

Бенно Хюбнер

МАРТИН
ХАЙДЕГГЕР
ОДЕРЖИМЫЙ БЫТИЕМ

*«Истина Бытия»:
Бытия не существует*

ББК 87
УДК 199
Х 11

Хюбнер Б.

Х 11 Мартин Хайдеггер — одержимый бытием / Перевод с нем. Е. В. Алымовой. — СПб.: Академия исследования культуры, 2011. — 172 с.

ISBN 978-5-903931-57-6

Книга современного немецкого философа Бенно Хюбнера посвящена рассмотрению различных аспектов философской системы Мартина Хайдеггера, в частности его пониманию Бытия.

**ББК 87
УДК 199**

Книга издана при содействии ООО «Ринвол».

196084, Россия, Санкт-Петербург,

ул. Киевская, дом 6, корп. 1, лит. Б;

тел/факс +7(812)677-93-15.

Научный руководитель: Деменок С. Л.

Руководитель проекта: Яковлев В. А.

Административный руководитель: Жмудь Т. С.

ISBN 978-5-903931-57-6

© Benno Hübner, 2011

© Алымова Е. В., перевод, 2011

© Деменок С. Л., вступ. статья, 2011

© Никонова С. Б., предисловие, 2011

© Академия исследования культуры,
2011

Оглавление

Пламенеющая истина. От издателя (Flaming Truth. From the publisher)	8
От редактора.....	17
Часть I. Предварительные замечания.....	23
О названии и о том, что побудило написать эту книгу.....	24
Мой разрыв с бытием	28
Часть II. Хайдеггеровская имманентная метафизика бытия.....	31
1. Радикальное вопрошание, смелое мышление, неожиданные ответы, настроения.....	32
2. Хайдеггеровский прыжок в Бытие из «тоски, возникшей в результате утраты бытия»	43
2.1. Эк-зистенциальное освобождение посредством Бытия.....	61
2.2. Основание сущего посредством Бытия и воздействие Бытия на сущее	73
2.3. Надежда на спасение человечества посредством Бытия	85

Часть III. «Поворотное» мышление Хайдеггера, мышление о «судьбе бытия» как мышление наоборот	95
1.1. Гетерономное мышление, исходящее из Другого (телео-логика)	96
1.2. Автономное мышление, исходящее из Я (каузальная логика).....	104
1.3. Коллизия между каузальной логикой и телео-логикой	117
2. Поворот Хайдеггера к мышлению, исходящему из Другого, из Бытия	120
Часть IV. Конец онтократии	135
1. «Совсем другая песня Бытия», которая никогда не зазвучит	136
2. «Последний Бог»	140
3. Последний аккорд «истины Бытия».....	151
Примечания	155

ЧАСТЬ I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

О названии и о том, что побудило написать эту книгу

Название книги «Мартин Хайдеггер. Одержимый Бытием»³ может показаться провокационным и полемическим. Это название намеренно таково, хотя для него имеются реальные основания в самом языке хайдеггеровской мысли. Оно должно инициировать спор (*polemos*) о том, не вскружил ли Хайдеггер себе самому голову бытием/Бытием (*Sein/Seyn*) так, как он вскружил ее некоторым другим, в числе коих был и я, когда учился во Фрайбурге. Слово «одержимый» следует понимать буквально: можно (я исхожу из своей, мужской точки зрения) до безумия влюбиться в женщину и сходить по ней с ума. Но можно также быть одержимым богами и призраками, или идеями, скажем, марксистскими идеями 1960–1970-х годов⁴, и сходить с ума от желания осуществить эти идеи на земле не важно какими средствами, не исключая насильственных. Сумасшедшие идеи, сумасшедшие люди, сумасшедшие времена, начиная, по крайней мере (чтобы не вести отсчет слишком издалека и оставаться в отведенном мне узком временном пространстве), с сумасшедших десятилетий второй половины XX века. В то время как западные левые разочарованно взирали на Восток⁵, Восток очарованно смотрел на Запад в надежде освободиться от своего социалистического, историко-метафизического ослепления.

Спровоцировать спор о бытии/Бытии^{6, 7}. Но кого, если мы живем во времена всеобщего равнодушия к бытию, или в ситуации «утраты бытия»⁸, на что и жалуется Хайдеггер, такой «утраты бытия», которая после смерти Хайдеггера вопреки всем его настоятельным увещева-

ниям и заклинаниям только увеличилась? Поэтому я хочу и могу побудить этой книгой лишь некоторых, немногих — какое дело «большинству» до бытия или Бытия, у них все еще есть боги, метафизики, астрология, футбол, времяпрепровождение в цифровом формате и свои «дела»⁹. И почему бытие вообще может интересовать их, если бытия, как я утверждаю, нет¹⁰. Остаются, стало быть, те, кому хайдеггеровское бытие что-то говорит, не важно что. А среди них есть те, кому хайдеггеровское бытие говорит о многом, говорит всё и которые ни от кого другого ничего другого слышать не хотят, — это одержимые Бытием, упорствующие в своей одержимости. Есть и такие, кто, услышав о бытии, отправились на поиск «истины бытия», и, наконец, те, которые нуждаются в чем-то таком, как бытие, но хайдеггеровского Бытия не понимают. Как бы мне ни хотелось достучаться и до запутавшихся в сетях Бытия, я не питаю на этот счет иллюзий и должен довольствоваться тем, что они являются лишь потенциальными читателями.

При этом я отдаю себе отчет и должен признаться, что я сам не понимаю хайдеггеровское Бытие, по крайней мере в его смысле, и, следовательно, принадлежу к тем, о которых он говорит: «Никто не понимает, о чем „я“ сейчас думаю: утвердить начало Da-sein в истине Бытия (т. е. в Бытийствовании истины), чтобы здесь основать сущее в целом и как таковое, а в нем — человека. Никто не понимает этого, — продолжает он, — так как все пытаются объяснить „мое“ усилие лишь исторически и обращаются к прошлому, которое, как они думают, они понимают, потому что им кажется, что оно лежит позади них»¹¹. Воистину, никто не может понять этого, если он не настолько одержим Бытием, чтобы взирать на все сущее, включая богов, с отрешенной высоты «истины Бытия». Только Хайдеггер и еще его адепты способны на это, так как «он одним простым рывком сущностного мышления» перенесся «из одного конца в другой, чтобы в ответ зазвучала совсем другая песня Бытия»¹². Вот оно: достаточно одного простого рывка сущностного мышления. Все же этот рывок не так прост, как кажется. Ведь чтобы совершить «прыжок в Бытие»¹³ — еще один способ попадания в «истину Бытия», о котором постоянно идет речь в «Статьях о философии», — кроме усилий мысли, требовались определенные черты характера, настрой и обстоятельства, такие как решимость, уединение, интеллектуальное высокомерие, внутренняя «тоска по отсутствию тоски»

и не в последнюю очередь — экзистенциальная скука¹⁴. Я уже сказал выше, что не понимаю хайдеггеровское Бытие, из перспективы которого, как ему казалось, он не только рассматривал «сущее в целом», но в котором мог полагать его основание. Однако как человек, некогда одержимый бытием, я понимаю причины, которые привели к тому, что я и другие, в особенности Хайдеггер, оказались одержимыми, и так как я знаю эти причины — или мне кажется, что я их знаю, — я мог бы легко освободиться от чар. Вопрос заключается в том, ставил ли сам Хайдеггер под вопрос причины, побуждавшие его, и возникало ли у него самого сомнение по поводу того, а не явилось ли «созидание» и «учреждение» Бытия просто-напросто конструкцией его «сущностного», совершающего прыжок мышления, так что Бытие всего лишь *есть*, в то время как его собственная мета-физическая нужда, вызванная «утратой бытия» — к этому вводящему в заблуждение понятию я вернусь позже, — вынуждала его искать убежище в Бытии, словно в Чем-то, что есть (бытийствует, событийствует), или, иначе, — есть ли бытие/Бытие независимо от «утраты бытия», или, точнее, «забвения бытия», о котором людям говорит их опыт. Я утверждаю, что испытываемая Хайдеггером тоска, связанная с «утратой бытия», по существу была его утратой Бога, которая вынудила его принять *бытие* Бытия. Почему он не ограничился бытием сущего, не выходя за его пределы к Бытию, которое основывает сущее? *Есть* ли, существует ли это Бытие?

Я недавно уже написал одну книгу о Хайдеггере, «Ночь бытия»¹⁵, и думал, что, придя в этой книге к такому выводу: «Истина бытия» в том, что бытия нет», тему под названием «Хайдеггер» закрыл. Однако некоторые обстоятельства заставили меня вслед этой книге написать продолжение.

Примерно два года тому назад я подготовил сокращенный вариант «Ночи бытия» с намерением познакомить с ней некоторых знакомых мне, я бы даже сказал дружественных, известных знатоков философии Хайдеггера в Чили и Эквадоре. Тишина. Только куратор философии¹⁶ Университета Сан-Франциско де Кито, тоже чилиец, отреагировал и разъяснил, что латиноамериканские философы наме-

рены «объявить бойкот этому эссе». Попытка опубликовать русский перевод этой краткой версии в известном московском философском журнале «Вопросы философии» не принесла результатов. Редакция колебалась в течение десяти месяцев: «Слишком эссеистично». Так же и мое предложение, направленное двум профессорам философии во Фрайбургский университет, организовать в университете обсуждение «Ночи бытия» в какой угодно форме получило молчаливый отказ. Только философский журнал «Вісник» Черниговского государственного педагогического университета (Украина) выразил готовность опубликовать русскую версию, хотя было признано, что это эссе «для украинских философов революционно»¹⁷. Все же за то, что сокращенная версия «Ночи бытия» смогла пробиться к русскоязычной аудитории благодаря публикации в «Философском альманахе» (Экономпресс) Государственной Академии Наук Республики Беларусь и в Интернете, я, прежде всего, благодарен моему русскому переводчику и философу Александру Демидову¹⁸.

Противодействия, отказы, молчание как реакция на «Ночь бытия» еще до того, как эта работа вышла в виде книги на немецком языке, и то обстоятельство, что чилийский переводчик¹⁹ «Статей о философии» на испанский язык несколько лет назад продемонстрировал, что я не знаком с этими работами, а потому о Хайдеггере со мной нечего и говорить, побудили меня по окончании «Ночи бытия» как к чтению «Статей», так и к основательному штудированию «Основных понятий метафизики», а также к написанию еще одной книги о Хайдеггере. Что-то важное вполне могло бы ускользнуть от меня. Однако я должен признаться: этого не случилось. Напротив, внимательное рассмотрение оснований хайдеггеровского «поворотного» мышления, как оно представлено в «Статьях», дало мне еще больше оснований для защиты моего утверждения, высказанного в «Ночи бытия», о том, что «истина Бытия» заключается в том, что бытия/Бытия *нет*, оно не бытийствует и морочит лишь сознание самого Хайдеггера.

Во вступительной статье к книге «Ночь бытия» я писал о Хайдеггере: «Его многолетняя озабоченность бытием дала Хайдеггеру-философу только одну возможность — ходить вокруг да около бытия, не подходя к нему вплотную». Теперь, после прочтения «Статей», я должен с уверенностью сказать, что в них совершалась попытка подтолкнуть к Бытию, к «истине Бытия», но решающий вопрос

о том, *есть ли* бытие, вопрос о *бытии* бытия/Бытия и здесь тоже не ставится, не говоря уже о том, что на него не дается ответ. Мне следовало бы во вступительной статье дать более тщательное выражение мысли о том, что усилия Хайдеггера по поводу бытия/Бытия — и это решающий момент — не приблизили его к *бытию* бытия.

Впрочем, я усматриваю существенное отличие поздних работ Хайдеггера от «Статей» в том, что в них нет речи о Бытии, что может свидетельствовать об ослаблении Бытия и усилении идеи Бога-Спасителя, как он представлен в интервью журналу «Шпигель» 1976 (1966) года²⁰. Кроме того, речь отныне идет не об «утрате бытия», но о забвении бытия, что в большей степени соответствует сути дела. И еще: претерпела изменение трактовка «события». В то время как в «Статьях» речь идет о «событии» как одновременности Бытия и сущего, в поздних работах «событие», как я постарался показать в «Ночи бытия», размещается до бытия, т. е. имеет более высокий статус. Отныне «событие», об основании которого, разумеется, нельзя задавать вопросов, ведь «событие — это оно само», — это то, что присваивает бытие, а это и есть сущее.

Мой разрыв с бытием

В «Ночи бытия» я нарисовал биографический фон, на котором, обусловленная внешними обстоятельствами и случайностями: воспитание, школа, университет, политические события, частая перемена места жительства и языка, но в первую очередь размышления обо всем об этом и отчасти бунт против этого, — разворачивалась моя мысль. При этом выявлялись определенные, хотя и разнесенные во времени, точки пересечения с Хайдеггером: алеманское происхождение, католическое воспитание, классическая гимназия (Bertholdgymnasium), теологическое призвание и, наконец, отклонение от пути, на который однажды вступили. Главное отличие: в большей степени присущее мне пространственно-культурное непостоянство, отсутствие корней, шаткая идентичность, пренебрежение авторитетами²¹, другое время. Я не хочу все это повторять здесь, отмечу лишь отдельные моменты, которые сначала привели меня к бытию, а потом увели от него прочь.

Уже гимназистом старших классов в 1950/51 годов, а жил я тогда в клерикальной среде своих родственников, от которой я постепенно отчуждался в религиозном отношении, я слушал по пятницам во второй половине дня лекции Хайдеггера в университете Фрайбурга. Поддавшись чарам его мысли как в плане манеры, так и в плане содержания, — можно было, восходя вместе с Хайдеггером по спиралью мысли к бытию, испытать, по крайней мере, я испытывал, что-то вроде духовной левитации, — я стал все больше отдаляться от моей католической веры, и во мне крепло намерение изучать философию: желание, посетившее меня впервые в 17 лет, когда я в испанской семинарии тайком читал Канта и Фихте. В начале 1951 года я поступил в университет, но, следуя пожеланиям моего семейного клана, стал изучать не философию, а юриспруденцию, с которой мои родственники связывали определенные ожидания²². В метаниях между юриспруденцией, философией, психологией, русской и испанской литературой я все же оформил свою склонность к философии, поступив и на этот факультет. Впрочем, метания продолжались, теперь между Фрайбургом и Бонном, где я прошел курс в семинаре по «Бытию и ничто» Сартра, и так было до тех пор, пока я, успешно проучившись половину семестра по юриспруденции во Фрайбурге, не прочитал книгу Майхофера «Право и бытие: Прологомены к онтологии права»²³ и не решил написать работу, посвященную онтологической дифференции.

В течение трех месяцев с конца декабря 1954 года по март 1955 года я пребывал в эйфории от работы: по большей части жалюзи днем были опущены, чтобы лучше видеть нюансы бытия и ничто. Результат — примерно 50 страниц. Потом через одного общего знакомого я передал работу Максу Мюллеру, который две недели спустя пригласил меня прогуляться к замку. Его вердикт: «Господин Хюбнер, Вы умеете думать, Вы умеете философствовать. Я готов принять Вашу работу в качестве диссертации». Этот вердикт окончательно поставил точку в моем решении: я брошу юриспруденцию и буду защищать диссертацию по философии. Впрочем, мне было сказано, что я к изложению своей системы должен добавить историческую часть: после Гуссерля, так сказал Макс Мюллер, на философском факультете больше не принимаются к защите диссертации в форме изложения философских систем. Мы сошлись на

том, что я противопоставлю свое бытие бытию Хайдеггера. Ради этого я снова зимой 55/56 годов водворил себя в каморку, затянутую мрачной паутиной, недалеко от Шауинсланда, чтобы искать в произведениях Хайдеггера бытие: прежде всего, подтверждения того, что это бытие вообще существует, так как в отношении моего бытия, которое, как я полагал, наделяет бытием (seinен)²⁴ сущее, у меня самого возникли сомнения.

Для прояснения этих сомнений я предложил Хайдеггеру побеседовать. На мое предложение сделать из бытия понятие он ответил: «Понятие. А что хотите вы с его помощью по-нять? Я размышляю об этом уже 40 лет. Вы приближаетесь к той точке, из которой можно видеть только темноту». В этот момент я все понял: я не буду больше охотиться за бытием, чтобы в результате увидеть лишь мрак, и решил оставить бытие в покое. О последствиях, личных и профессиональных, к которым привел меня мой разрыв с бытием, наступивший вскоре после разрыва с католической верой, я подробно рассказывал в «Ночи бытия». Теперь мне хотелось бы лишь подчеркнуть: дело не дошло до защиты диссертации о бытии — вместо этого после депроекции сначала Бога, потом бытия, после двухлетней разлуки с Германией дело дошло до новой попытки написать диссертацию, на этот раз о «Скуке и бессмысленности современного Dasein», в которой я исследовал не только проявления бессмысленности и вместе с тем политико-идеологические коррозии в Советском Союзе того времени, но и эстетические феномены, рассматривая их как компенсацию дефицита смысла. Я называю это «попыткой», потому что эта работа, объемом в 400 страниц, была отклонена некоторыми преподавателями факультета и прошла цензуру только полгода спустя, претерпев сокращение больше, чем наполовину, и получив стерильное название «Скука». Тем самым я подтвердил действенность, по крайней мере для меня самого, слов Готфрида Бена: «Истина — это решение факультета». Посвящая эту книгу Макс Мюллеру и Арнольду Бергштрессеру, я выражаю свою признательность мужеству двух профессоров, которые тогда, в 1962 году, осмелились, признав значение моей работы, выступить, хотя и безуспешно, в ее поддержку вопреки господствовавшему в то время мнению философского факультета. У меня есть все основания подозревать, что с тех пор положение дел во Фрайбурге не стало лучше.

ЧАСТЬ II

ХАЙДЕГГЕРОВСКАЯ ИММАНЕНТНАЯ МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ

1. Радикальное вопрошание, смелое мышление, неожиданные ответы, настроения

Вопрос «об *Истине Бытия* есть и остается *моим* вопросом, причем *единственным*²⁵ вопросом, ибо именно такой вопрос подобает для того, что является *самым единственным*. Во времена, когда *совершенно* отсутствуют всякие вопросы, достаточно²⁶ лишь раз задать *этот* вопрос всех вопросов»²⁷. И еще: «Вопрос о „смысле Бытия“ есть вопрос всех вопросов»²⁸.

И это всего лишь один пример того, как Хайдеггер ставит вопрос об «истине Бытия», безо всякого сомнения трудный вопрос: «В этом вопрошании — увлекающий натиск притяжения необузданного, стремящийся достигнуть того, что, хотя еще и пребывает в состоянии равновесия, уже должно быть выведено из него. Здесь проявляет свою силу выход за пределы самого себя к превосходящему. Вопрошание — освобождение ради того, что, будучи сокрыто, настоятельно присутствует»²⁹. Не захватывало ли при этом у Хайдеггера дух?

Я хочу спросить Хайдеггера: почему вопрос о «смысле Бытия» является «*единственным*» его вопросом? Какие причины побудили его задать такой вопрос и что ожидал он услышать в качестве возможного ответа на него? Мог ли и хотел ли Хайдеггер, страстный и одержимый вопрошанием и мышлением, «сущностным» вопрошанием и мышлением, вообще получить ответ и, с другой стороны, если бы он получил ответ на этот *единственный* вопрос, перестал бы он задавать вопросы и размышлять? Вопрошание ради вопрошания, мышление ради мышления? И что бы тогда оставалось

сущностному мыслителю, если бы ответ на *единственный* вопрос был дан? Несущностное вопрошание, несущностное мышление?

В процитированных в начале предыдущего абзаца трех коротких предложениях Хайдеггер со всей определенностью сообщает, о чем пойдет речь в его «Статьях», а именно: об «истине Бытия», или о «смысле Бытия», и подчеркивает, что это и есть то «самое единственное» (sic), что интересует его, ибо это *его единственный* вопрос. Оставим без рассмотрения, в самом ли деле мы, как Хайдеггер утверждает *en passant* (в «Статьях» наряду со многим другим³⁰), живем/жили «во времена, когда *совершенно* отсутствуют всякие вопросы», и признаем, что для него вопрос о Бытии является *вопросом* всех вопросов, хотя вполне возможно, что другие люди в то же самое время, которое он называет временем тотальной «утраты бытия», задают другие, более важные, жизненные вопросы. В вопросе о смысле и «сущности Бытия как такового»³¹ хотя и «ставится» «под вопрос»³², что означает Бытие: для сущего и, прежде всего для Dasein и для человеческой истории, однако само Бытие *под вопрос не ставится*. Здесь вопрошание прекращается: Бытие *есть*, бытийствует, пребывает, событийствует — Бытие существует. «Истина Бытия» непоколебима, даже если «смысл Бытия» все еще таится во мраке и его еще только предстоит прояснить и снять покров с его истины, или открыть. Тот факт, что Хайдеггер и «те немногие, кто, проявляя величайшее мужество, отваживаются на одиночество, чтобы размышлять о благородстве Бытия»³³, «ставят» все «под вопрос», даже богов, в том числе и христианского, богов, которые за свое бытие точно так же должны благодарить Бытие³⁴ (к «последнему Богу», определенно творению Хайдеггера, хотя и вдохновленному Бытием, я еще вернусь), свидетельствует о радикальном характере, который его вопрошание сохраняет до определенного момента, когда самое, на мой взгляд, достойное вопрошания под вопрос не ставится: вообще *есть* ли Бытие. Еще раньше, уже совершив прыжок в Бытие, которое в своем *бытии* под вопрос не ставится, Хайдеггер был готов к новому прыжку. Сохраняя верность девизу, согласно которому вопросы не только не ведут к ответам, но, напротив, порождают все новые вопросы, Хайдеггер размышляет о том, не может ли существовать еще что-то по ту сторону Бытия, а именно *бытийствование*. Здесь хайдеггеровское сущностное мышление, которое пренебрегает ра-

циональным мышлением и демонстрирует такие добродетели, как решимость и мужество, проявляет свою последовательность, правда сомнительную. «Сущностное» мышление Хайдеггера, которое само себя уполномочило достичь тех пределов, которых не может достичь эмпирическое, рациональное мышление, не только дерзнуло проникнуть в сущность сущего, вещей и утверждать Бытие в качестве их основы, но и замыслило еще один прыжок: от бытийствования³⁵ Бытия в *бытийствование*. Все же перед этим прыжком из Бытия в бытийствование Хайдеггер тотчас же в ужасе отпрыгивает: это кажется ему слишком отчаянным и рискованным. «Однако здесь, в этом наипредельнейшем, слово обязательно нуждается в силе, и бытийствование должно именовать не то, что все еще пребывает *за пределами* Бытия, но то, что выражает его внутреннее, его со-бытие, то взаимное колебание Бытия и *Da-sein*, в котором оба они оказываются не подручными полюсами, но самой чистой доступностью»³⁶.

Еще раз проследим ход полной решимости мысли Хайдеггера и продолжим. В силу чего есть сущее? В силу бытия/Бытия. В силу чего течет река? В силу речения? В силу чего божествуют боги? В силу божествования? В силу чего бытийствует Бытие? В силу бытийствования? Здесь в полной мере выдает себя логика сущностного мышления Хайдеггера, перед которой он, так сказать, вовремя останавливается, чтобы не запутаться еще больше. В противном случае метафизик Бытия окончательно превратился бы в мистика бытийствования.

«Бытийствование», «со-бытие», «взаимное колебание», «чистая доступность» — слова, которые в принципе призваны высказать одно и то же: *бытие* Бытия, и которые благодаря различности своих значений создают видимость того, что *бытие* Бытия выражено, как будто бы посредством семиотических вариаций и «настоятельного»³⁷ повторения Бытие становится «более бытийным», если употреблять опасный, поскольку он может ввести в заблуждение, оборот Хайдеггера. Также и непрерывный разговор об «истине Бытия» должен или может внушить мысль о том, что Бытие на самом деле есть, что Бытие существует, и тем самым таит в себе возможный вопрос о *бытии* Бытия. Конечно, *если* Бытие *есть*, оно есть иначе, чем сущее, о котором мы, отдавая себе отчет в онтологической дифференции, говорим, что оно есть. И конеч-

но, такие конкретные сущие, как человек, животное, камень, вода, Бог существуют каждое в своем *So-sein*, отличном от другого, и мы поэтому должны говорить, как мы говорим о реке, что она речет, и о камне, что он каменеет, подобно тому, как Хайдеггер говорит о «божествовании богов» или о «божестве Бога богов»³⁸, или же в другом — что «вещь веществует», «мир мирует», а «лес лесует». Река речет, камень каменеет, лес лесует, мир мирует, боги божествуют, стало быть мы можем, а мы можем, говорить и о речении или течении, о лесовании, о каменении, о мировании и божествовании. Все же возникает вопрос, существует ли речение, лесование, мирование, божествование, подобно тому, как Хайдеггер из бытия сущего заключает, что существует бытие/Бытие. Перед лицом бытийствования *за* или по ту сторону бытийствующего Бытия, повторюсь, он вовремя, ужаснувшись, остановился.

Ценой, заплаченной за решимость и храбрость сущностного мышления Хайдеггера, за добродетели, которые часто кажутся важнее самого мышления, стало то, что многие, не столь отважные, чтобы, перепрыгнув через пропасть, достигнуть вершины Бытия, должны были оставаться здесь внизу, на земле, лишенными бытия. Заплачено было и тем, что мысль Хайдеггера, достигая таких высот, неизбежно оказывалась мыслью заоблачной, неясной. К чему «растрескивание» и «дрожь»³⁹ Бытия, «божествование богов» или даже «дрожь божествования»⁴⁰, звучание «совсем другой песни Бытия»⁴¹, и к чему фразы, наподобие следующей, и это не исключение: «Вопрос об истине Бытия — это, конечно, вторжение в потаенное; ибо истина Бытия — для мыслителя это настоятельное знание о том, как бытийствует (а не бытийствует *ли*. — *Б. Х.*). Бытие — возможно, находится не во владении богов, а принадлежит единственно той неизведанной судьбе, которой подчиняются даже боги»⁴². Чтобы *понять* такие фразы, их нужно последовательно расчленять. Сказанное нужно пропустить через фильтр, чтобы извлечь то, что говорящий, Хайдеггер, хочет сказать, и довольствоваться тем, что о его намерении можно только догадываться. Я понимаю этот тезис так, что Хайдеггер ставит вопрос об «истине Бытия» и, чтобы найти ответ на этот вопрос (как бытийствует Бытие), мыслью должен проникнуть в сокрытое, в потаенное, в «настоятельное знание», которое, не будучи доступно, «возможно (курсив мой. — *Б. Х.*), даже

богам», находится в распоряжении только «неизведанной» судьбы Бытия. То единственное, что может дать ответ, — это само Бытие в неизведанности своего устройства, куда включены также и боги. Как? Это, пожалуй, другой вопрос, вопрос, ответить на который, вероятно, способно только «поворотное» мышление Хайдеггера. Или же Хайдеггер ставит вопросы, *a priori* лишенные ответа, чтобы таким образом возвысить заслугу вопрошающего, мужественно стремящегося в неизведанное и не уступающего самим богам? А может быть, он таким образом прокладывает путь для будущих поколений искателей Бытия?

Ибо: «Если вопрос мыслителя не такой простой, но столь выдающийся, что на столетия определяет интенцию и стиль мышления, предписывая им размышлять только о самом высоком, то пусть он лучше остается без ответа»⁴³. Таким образом, Хайдеггеру, который в другом месте говорит: «В сфере того, однако, что более всего достойно вопрошания, действовать можно лишь одним-единственным способом — вопрошая»⁴⁴, приходится смириться, что ответа на «вопрос всех вопросов» можно ждать еще столетия и что этот вопрос будет занимать еще долго его последователей на попроще сущностного мышления. Это подтверждается и другими высказываниями и вопросами: «Кто, например, следует длинной тропой установления истины Бытия?»⁴⁵ и «Как еще мыслитель спасает истину Бытия, если не в тяжелой медленной поступи своих вопрошающих шагов и их размеренной последовательности?»⁴⁶ Вопрошание, вопрошание — и нет надежды в обозримом будущем получить ответ на *тот самый* вопрос. Чем иначе, как уже говорилось, стали бы заниматься философы будущего, если бы на вопрос вопросов был получен ответ! Второстепенными вопросами? Героические добродетели, такие как мужество и решительность, доведенные до предела, которые Хайдеггер связывает с сущностным мышлением, оказались бы излишними. При этом удивительно то, что сущностному мыслителю Хайдеггеру самому, очевидно, не нужно было дважды думать, прежде чем совершить прыжок в Бытие, — для этого было достаточно слепой решимости, вызванной его собственной «тоской, связанной с лишенностью бытия»⁴⁷, между тем как бремя прояснения того, куда он прыгнул — в вопрос об «истине Бытия», о «смысле Бытия», в вопрос

о том, каким образом бытийствует Бытие — Хайдеггер возложил на последующие поколения философов. Прекрасное наследство! В виду такой перспективы не ужаснулся ли Хайдеггер сам своей отваге? Посмотрим.

Тем более удивляет — если, не понимая Хайдеггера, восхищаться им, — сколь много Хайдеггер уже знает о Бытии, еще не вступив на «длинную тропу установления истины Бытия». Откуда? «Вопрос о бытии — это прыжок в Бытие, который человек совершает в качестве искателя Бытия в той мере, в какой он является творцом в сфере мышления. Искатель Бытия с присущей лишь ему избыточностью ищущей силы — это поэт, который „учреждает“ Бытие»⁴⁸. Стало быть, Хайдеггер знает о Бытии, поскольку он как поэт-мыслитель сам учредил Бытие, и это «настоятельное знание» следует искать не в судьбе Бытия, но в его собственной голове и погружениях его собственной мысли? Я еще вернусь к этому вопросу.

Пожалуй, помимо вопрошания, мышления и мыслительных прыжков, нужно сказать и о настроениях и чувствах, и особенно об основном настрое, или даже об основных настроениях, присущих «Статьям» и «Метафизике», которые часто служат барометром истины и уже в «Бытии и времени» играют весьма значительную роль. Пускай это будут ужас, забота, испуг, удивление, страх, предчувствие⁴⁹, дрожь, мужество, высокомерие, восторженность, одиночество, «тоска, вызванная лишенностью бытия», «отсутствие насущной нужды»⁵⁰, переживание, прежде всего, «глубокая скука», о которой, впрочем, нет ни слова в «Статьях», но которая, по моему мнению, играет ключевую роль в хайдеггеровском мышлении о Бытии. Настроения, чувства, побуждения, физические и психологические, могут провоцироваться обстоятельствами внешнего мира или же вызываться воображением, рождаться в голове, они могут привести к поступку, а могут — к бездействию. И бывают многочисленные поступки, которые совершаются не из-за того или иного настроения, но *ради* настроения, *ради* эмоций. И если Хайдеггер хочет заставить людей осознать «нужду, вызванную лишенностью бытия», то делает он это просто для того, чтобы перенастроить их, «чтобы нужда, вызванная лишенностью бытия, превратилась в необходимость творчества как возрождения сущего»⁵¹, и не важно,

что здесь имеется в виду под «возрождением сущего»⁵². Чем была бы жизнь без настроения и чувств! Психическая смерть, пустота, скука⁵³. Это не та жизнь, которая стоит того, чтобы ее прожить.

«Статьи о философии»*, книга, которую Отто Пёггелер назвал «главным произведением Хайдеггера», Фридрих-Вильгельм фон Германн — «вторым главным произведением» после «Бытия и времени», а «молодой французский философ»⁵⁵, которого фон Германн не называет по имени, — книгой «XXI века», для меня является, прежде всего, если сравнивать с этими превосходными характеристиками, не более чем провокационной, до раздражения сомнительной, огромной, если иметь в виду интеллектуальные достижения и объем, книгой, которая, впрочем, сама собой разбивается о свои собственные глубокие и высокие интеллектуальные притязания. Весомо уже и то, что Хайдеггер в «Статьях» дошел до того, чтобы требовать и от нас мыслить так же, как он. Ибо как можно тому, кто убежден в «истине Бытия» и ее решающем значении для человечества, не желать, чтобы та истина, которая поселилась в его голове, не проникла также и в головы «многих», с тем чтобы однажды они смогли принять участие в «ликовании Бытия» в качестве «искателей и хранителей Бытия»? Хайдеггер говорит о необходимости вести людей к «истине Бытия» и задает вопрос: «Не должно ли при этом иметь в виду полное превращение человека? Может ли эта необходимость быть каким-то пустяком в сравнении с неизбежностью того, что в высшей степени поразительно?»⁵⁶

Все же «Статьи» остаются книгой «немногих», «избранных», кому в настоящее время, которое со времен Хайдеггера стало еще более «буйным», в так называемом «обществе потребителей удовольствия» достаёт еще уединения и досуга, необходимых для столь вдумчивого чтения. И это относится не только к содержанию и высокой степени интеллектуального усилия, которые требуются для усвоения этой книги, — речь идет также и о том, что касается формы. Даже если Хайдеггер и предупреждает нас, что «доступность пониманию означает для философии самоубийство»⁵⁷, я все равно убежден, что «Статьи» могли бы быть написаны более понятным

языком, без харакири, без ущерба праву философии на высокое, правда за счет утраты зловещего и рассеивания таинственных покровов, что было бы определенным достижением⁵⁸. Все же именно в отношении этой книги потребовалось бы провести редакторскую работу, а потом обязательно отредактировать еще раз, т. е. проделать то, чего никогда не делали, так как мы имеем дело с произведением, не публиковавшимся при жизни Хайдеггера⁵⁹. Вполне возможно, что в процессе переработки многих повторений удалось бы избежать, а что-то из того, что в таком виде было сформулировано лишь временно, как только, или потому, что оно пришло Хайдеггеру на ум, было бы высказано яснее или же не высказано вовсе. И вот он — а вина в этом последователей — как учредитель Бытия мог позволить себе говорить даже откровенную бессмыслицу. Хайдеггер — это был уважаемый философский бренд.

Неослабевающий напор мысли и повторения, может быть, способствовали самоуверенности Хайдеггера в предмете мысли, как это делали различные способы высказывания одного и того же, которые, впрочем, часто ставили читателя перед вопросом, на самом ли деле называется одно и то же и не хотел ли Хайдеггер все-таки сказать нечто другое. Зачастую формулировки отмечены напряжением, жесткой борьбой, мыслительным трудом в поте лица. Хайдеггер любит парадоксы, и я спрашиваю себя, а оправданы ли они. Книга, которая в высшей степени фрагментарна и такое же воздействие и оказывает, задумывалась как шестичастная fuga, как система, в которой многое, что предназначено для соединения, не соединяется, не ладится. Но именно это, скорее всего, происходит и со всеобъемлющим Бытием, которое должно включить в себя все: человека, животное, растение, камень, землю и небо вместе с богами и, прежде всего, культуру как силу, «творение» и «махинации» человека во всех областях мысли, производства и действия: в технике, политике, искусстве, теологии, языке, философии⁶⁰. То, что, согласно представлению Хайдеггера об «истине Бытия», находит для себя место в целом, оценивается позитивно, то, что противоречит Бытию и Хайдеггеру, получает негативную оценку.

Подобной оценки не избежала также и философия, так что Хайдеггер до некоторой степени предписывает философам, о чем и как они должны думать. «Философия — это лад в сущем в качестве

ладного Бытию распоряжения насчет его истины»⁶¹. Я не собираюсь прилаживаться к Бытию, и не вменяю и не доверяю философии роль распоряжаться от имени Бытия его истиной. Тот факт, что философии, «понятой как мыслящее раздумье об истине Бытия» «в университете» «нет места»⁶², как Хайдеггер жалуется в «Статьях», написанных между 1936–1938 годами, заставляет отдать ему должное, если вспомнить исторический контекст. Ведь тогда другая истина, народная истина национал-социализма, предписывала, о чем интеллектуалы, включая Хайдеггера, должны размышлять. Впрочем, уже потом, позднее, после национал-социализма, бытие/Бытие снова набрало силу, по крайней мере во Фрайбургском университете, там снова воцарился дух, который способствовал возведению другого академического барьера, с тем чтобы отступникам от Бытия преградить путь в университет, воспрепятствовать карьере в университете⁶³.

Заблудившийся в «истине Бытия», в «смысле Бытия» и попросту охваченный собственной экзистенциальной «тоской, связанной с отсутствием нужды»⁶⁴, тоской, которая подтолкнула его к прыжку в Бытие, Хайдеггер не имел никакого понятия о нуждах многих других. Мыслитель-одиночка, а он думал о себе как о герое, понимая свою элитарность, высокомерно он презирал «большинство» с их «махинациями» и банальным стремлением к переживаниям, которое мешало им испытывать «тоску по отсутствию нужды». И по этой причине, а может быть, вовсе не в силу самого духа национал-социализма, что отличало тех, кто этот дух представлял — коричневые орды СА и РСДРП, — ему, как свидетельствовал Германн, национал-социализм был противен, несмотря на то что он в период своего ректорства в течение короткого времени испытывал вдохновение от народного подъема, который требовал *virtudes*, мужественных добродетелей. Тогда — в печально известной речи ректора под названием «Декларация основ немецкого университета» — Хайдеггер, который обычно был воинственно настроен только в сфере мысли, в иных случаях с надеждой полагаясь на Бытие, «признавался» вместе с воинствующим Карлом фон Клаузевицем: «Я отрекаюсь от легкомысленной надежды на избавление, которое может принести случай»⁶⁵. В этом выступлении, которое изобилует пафосом единения с народом и призывами к борьбе и в котором

Хайдеггер бредет «борьбой, объединяющей учителя с учеником» и «антагонизмом, кроющемся в самой сущности руководства и подчинения», антагонизмом, который «не может быть ни уменьшен, ни ликвидирован»⁶⁶, он также касается «покинутости современного человека посреди сущего»⁶⁷, впрочем, покинут человек не бытием, а, если вспомнить ницшевское «Бог умер», — богом⁶⁸.

И как, в конце концов, Хайдеггер должен был служить духу или злему духу национал-социализма, когда он — уже тогда — был ангажирован Бытием и призван к Высокому. Как раз народное было для него, того, чей ум был занят бытием/Бытием и кто считал себя духовным лидером Запада, слишком низким. «Все великое неустойчиво»⁶⁹, — цитировал Платона в конце этой речи Хайдеггер.

Ниспровергнуть Бытие — такова цель моей книги, показать, что Бытия *нет* и что Хайдеггер обманул сам себя Бытием и одурачил — сам того не желая — других. При этом с тех пор, как я в «Ночи бытия» написал в некотором роде некролог бытию/Бытию, меня время от времени посещает неприятное чувство, будто бы я умертвил труп или, пользуясь языком корриды, вонзил в Бытие удар милосердия, чтобы прекратить его страдания.

Но изложенные в начале основания побудили, или, как сказал бы Хайдеггер, «вынудили» меня еще раз обратиться, или даже лучше сказать — основательно исследовать тему Бытия. Мой главный вопрос таков: как Хайдеггер пришел к Бытию, почему *бытие* Бытия не было или не становилось для него сомнительным, но в качестве «смысла Бытия», его значения было тем вопросом, ответ на который, если этот вопрос вообще имеет смысл, заранее предполагает *бытие* Бытия?

Здесь, прежде всего, следует приступить к «утрате бытия», которую Хайдеггер утверждает или на которой даже настаивает, которая ощущается или должна ощущаться как тоска, которая вынуждает людей обращаться к Бытию в качестве «ищущих» «истину Бытия». «Утрата бытия» как тоска является ключевым понятием «Статей», так как оно обозначает то фундаментальное настроение, которое сподвигло Хайдеггера — ложно, как я собираюсь

показать — к тому, чтобы конструировать эту фугу как, хотя и шаткую, но систему Бытия. Все же, как и все системы, и эту тоже, именно в силу известной всеохватывающей, системно-логической и, по крайней мере, от части убедительной связи, следует испытать на состоятельность ее предпосылки, которой является не что иное, как тезис об «утрате бытия», понятие, в свою очередь заключающее в себе скрытую предпосылку, а именно предпосылку бытия, *бытия* бытия/Бытия. Если Бога нет, то — мы можем говорить так о разных религиозных системах — со смертью Бога рушатся и распадаются религиозные системы, священные книги превращаются в макулатуру. Я мог бы этот лад не без основания уничтожить, доказав не-*бытие* Бытия, т. е. продемонстрировав отсутствие прочного фундамента, и таким образом недолго думая разделаться с ней как с глупостью. Я не поступаю так потому, что казус Хайдеггера являет собой образец определенного способа мыслить, который не ограничивается одним Хайдеггером и уже у истоков человеческой мысли характеризует, если не заражает, наше мышление в целом. Я называю этот тип мышления телео-логическим мышлением. У Хайдеггера оно принимает вид «поворотного» мышления, я бы даже сказал, перевернутого или извращенного мышления, оно же лежит в основании теологического мышления. С этой точки зрения мы можем прочесть, если не содержательно, то, во всяком случае, структурно, хайдеггеровскую метафизику Бытия⁷⁰ как лада еще и теологически. Впрочем, телео-логическое мышление является не только характерным признаком какой угодно мыслительной, религиозной, идеологической, философской системы, но также пронизывает и повседневное мышление⁷¹.

Из путаницы мыслей, которую, с моей точки зрения, представляют «Статьи» с их повторами, выворотами одного и того же так, то эдак, сплетениями, патетической мишурой, пророчествами и тому подобным, я постараюсь выбрать существенное, при этом, надо признаться, слово *существенное* мне почти претит в виду напыщенного и высокопарного употребления его Хайдеггером. Ведь о чем бы сущностный мыслитель Хайдеггер ни думал, чем бы он

ни занимался, все существенно, достигает самой сердцевины, доходит до самого предельного, до «неизбежности в высшей степени удивительного»⁷², причем понятие сущности, согласно которой сущность существует, имеет различные значения (essentia, esse, сердцевина...): «сущность университета», «сущность техники», «сущность искусства», «сущность народа», «сущность истины», «сущность решения», «сущность Бытия», а также «безобразное существо Бытия» вплоть до существований и существенности: «существование Бытия», «существования истины», «вхождение в существование», «сущность как существование», «существенность всего существенного». «Статьи», как уже было сказано, фрагментарное сочинение, головоломка, в которой мысли и обрывки мыслей часто располагаются в непосредственной близости друг от друга, так что критически настроенный читатель должен зачастую сам восстанавливать ходы мыслей и контекст. Я надеюсь, книге, которая сама себе видится фугой, не причину насилия, если кое-что соединю так, чтобы обсуждать темы, которые будут поставлены, или задавать вопросы и при необходимости отвечать на них. При этом я оставляю в стороне те аспекты «Статей», которые не имеют непосредственного отношения к поставленным мною вопросам, и я буду лишь в той степени комментировать приводимые здесь, отчасти весьма сомнительные цитаты из Хайдеггера, в какой они согласуются с поставленной мною целью. Повторы как цитат, так и мыслительных ходов, в чем я упрекнул только что Хайдеггера, будут встречаться и у меня, поскольку этого требуют различные контексты, возникающие в силу предвосхищения или, наоборот, обращения к уже сказанному.

В разделе *Прыжок Хайдеггера в Бытие из «тоски, вызванной утратой бытия»* будут вскрыты причины, как интеллектуальные, так и эмоциональные, которые побудили Хайдеггера совершить прыжок в Бытие. В разделе *Эк-зистенциальное освобождение посредством Бытия* я покажу, что это значит для человека в качестве Da-sein, иметь нечто, в данном случае Бытие, для чего он эк-зистирует, а также исходя из чего он может понять самого себя. Я называю это эк-зистенциальной смыслообразующей и освобождающей функцией Бытия. Далее, в разделе *Основание сущего в целом посредством Бытия*, будет выяснено, на что способно

«учрежденное» Хайдеггером Бытие: как оно влияет на мир и продолжает воздействовать на этот мир, испытывавший его влияние. Я называю это основывающей и воздействующей функцией Бытия. Одновременно этот раздел призван дать общую ориентацию как в теоретическом, так и в практическом аспекте по отношению к обусловленному Бытием положению человека внутри «сущего в целом». В разделе *Надежда на спасение человечества посредством Бытия* будут рассматриваться практические вопросы: что дает Бытие людям, зачем оно им, что они в качестве «искателей истины» Бытия могут ожидать от него? Это обнадеживающая функция Бытия. В разделе *«Поворотное» мышление Хайдеггера, мышление о «судьбе Бытия»*, как мышление наоборот будет продемонстрирован тот путь, на котором человеческая мысль, побужденная своими вопросами — прежде всего, о том, *зачем и для чего* — переворачиваясь, опрокидывается в такое мышление, которое ищет ответы на вопросы, исходя из цели. Я называю это телео-логическим мышлением в противоположность каузально-логическому мышлению. И наконец, в разделе *Конец онтократии* излагаются перспективы хайдеггеровской метафизики Бытия⁷³ как с позиции Хайдеггера, так и с моей собственной позиции. Кроме того, какую роль играют боги и, прежде всего, «последний бог» в хайдеггеровской метафизике Бытия?

2. Хайдеггеровский прыжок в Бытие из «тоски, возникшей в результате утраты бытия»

«Утрата бытия: она *должна* (курсив мой. — Б. Х.) испытываться как основное событие нашей истории и возвышаться до знания, наглядного и главнейшего»⁷⁴. Другие скорее вели бы речь об утрате богов как основного испытываемого события, если и не «нашей истории», то, по крайней мере, современности. И если бы ее следовало возвышать «до знания», то было бы достаточно совета прочитать об этом в священных книгах. Но покинутым бытием сделать это, видит Бог, несравненно сложнее. Они вынуждены изну-